

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 23. СТИХИ О ЛЮБВИ КАПУТИКЯН СИЛЬВА

Составитель МУЧНИК ЭТЯ БОРИСОВНА

Родилась 5 января 1919 в Ереване. С 1933 - начала печататься. В 1941 – окончила филологический факультет [Ереванского университета](#), затем училась на Высших курсах Литературного института.

С 1941 - член [Союза писателей Армении](#). В 1978 году, когда широко отмечалось 150-летие присоединения Восточной Армении к России, в составе многочисленной делегации деятелей армянской литературы и искусства Сильва Барунаковна посетила Донской край – Ростов и армянские села Мясниковского района, где в проходили её творческие вечера, встречи с видными писателями Армении. С.Б. Капутикян была депутатом Верховного Совета СССР, занимала активную позицию по Карабахскому вопросу.

Еще в советское время со страниц [журнала "Советакан граканутюн"](#) заговорила о деятельности армянских боевых организаций, в 1983 - после казни бойца [АСАЛА](#) Левона Экмекчяна написала стихотворение "Дождит, сынок", позже переведенное на английский. Умерла 25 августа 2006 в Ереване.

Сильва Капутикян стихи о любви

* * *

Полюбила — не привязал,
сердце стыло — не приласкал,
уходила — не удержал,
а забыла — не вспоминал!
Что ж зовёшь?
Я прийти не могу!
Я ДАВНО НА ДРУГОМ БЕРЕГУ ...

* * *

Все мне кажется — если увижу тебя,
Побегу, как ребенок, навстречу тотчас
И застыну, покорная, не отводя
От тебя зачарованных любящих глаз.
Но когда не спеша приближаешься ты,
Подымается гордо моя голова,
Холодеет мой взгляд, равнодушны черты,
На радушный поклон отвечаю едва.
Все мне кажется — если увидимся вновь,
Сердце скрытное настезь тебе отворю
И скажу тебе столько несказанных слов,
Столько трепета, света, тепла подарю.
Но при встрече пустой завожу разговор,
И остро, и колю, и развязно шучу,
Начинаю никчемный, бессмысленный спор,
Улыбаюсь надменно и зло хохочу.
Ну заставь же, заставь же меня замолчать,
Охвати мою голову, силой склони,
Отведи ото лба черно-синюю прядь,
Молчаливо в глаза мои загляни!

Дальше, глубже, до самого дна загляни!

* * *

Не пришел ты...
И ночь почернела в тоске.
Вот и сердце моё, как пустой переулок.
Лишь клюет тишину чей-то шаг вдалеке,
чей-то шаг запоздалый, тревожен и гулок.
Я надеюсь еще, я впиваюсь во тьму.
Я ловлю, как шаги нашу улицу мерят.
Вот все громче, все ближе к крыльцу моему,
вот сейчас подойдут и затихнут у двери...
Но шаги, удаляясь от жизни моей,
раздаются в тиши все спокойней и строже...
И болит моё сердце сильнее и сильнее,

будто топчет сейчас его каждый прохожий.

* * *

Нет для тебя ни преград, ни помех,
Чтобы творить чудеса надо мною.
Сделать меня красивее всех,
Радостней всех под этой луною.
Можешь весь мир движеньем одним
Или одним лишь зовущим взглядом
Мне подарить и поднять над ним,
Чтоб оказалась я с солнцем рядом!
Дай же мне юность изведать вновь,
Дай же мне силы мои измерить,
Дай мне поверить в твою любовь,
Дай мне поверить, дай мне поверить!

* * *

Любовь большую мы несем,
Но я — к тебе, а ты — к другой,
Опалены большим огнем,
Но я — твоим, а ты другой.
Ты слова ждешь, я слова жду,
Я от тебя, ты от другой.
Твой образ вижу я в бреду,
Ты бредишь образом другой.
И что уж тут поделать, раз
Самой судьбе не жалко нас,
Что нас жалеть? Живем любя,
Хоть ты — другую, я — тебя...

* * *

Не заставь меня плакать, — я плакала много, любимый.
И не думай напрасно, что я холодна и надменна.
Мне изранили сердце, и в шрамах оно постепенно
Отвердело, но больно ему от ожога, любимый.
Безоглядно я шла, доверялась открыто и прямо,
Но как часто встречала я с горечью неодолимой
Камень вместо сердец, я же верила в сердце упрямо.
Нелегко мне досталась прямая дорога, любимый.
Мне бы тихо уснуть, по-ребячьи склонясь головою
На колени твои — отдохнуть от тоски нестерпимой.
Тайный свет сбереги, озаряющий сердце живое —
Вечереет мой день, уже ночь на пороге, любимый.

* * *

Я образ твой хочу сберечь.
Я не хочу с тобою встреч.
Порой спешу с пути свернуть,

Чтоб не столкнуться где-нибудь.

Да, я хочу, любимый мой,
Чтоб жил ты в памяти моей
Таким, как был ты той зимой,
Той давней ночью без огней.

Чтоб как тогда меня любил
И той же синью цвёл твой взор,
Чтоб ты нежнее снега был
И жёг сильнее, чем костёр.

Чтоб снова таяла зима
От жарких губ, от слов твоих,
Чтоб вновь я верила сама
В неповторимость смысла их!

Казалось мне тогда — ты мог
Забуть и славу и себя,
И мир восторга и тревог
К ногам моим сложить любя.

Я образ твой хочу сберечь,
Я не хочу с тобою встреч,
С тобой, потухшим, серым, злым...
Ступай один путём своим.

А ты своим не дорожила даром,
ты искрами развеяла его,
и крова не согрел ни одного,
горела зря, не сохраняя жара.

* * *

Встречаться нам не доводилось.
Кто ты? Тебя не знаю я.
Так отчего ж, скажи на милость,
Не оставляешь ты меня?

Слыхала я, что красотою
Особою не блещешь ты,
Что у тебя лицо простое
И лишь глаза ясны, чисты...

Какие же дары незримо
Душа твоя таит в себе,
Что он избрал тебя любимой,
Единственной в своей судьбе?

Я полюбить его успела.
Как любят солнце — издали,

И сердце расцвело несмело,
Как в тёплый день цветы земли.

Недолговечно это чудо,
Без солнца не цветут цветы,
И с горечью я позабуду
Его слова, его черты...

Но будь достойна этой боли,
Люби его ещё сильнее,
Люби великою любовью —
Своей любовью и моей!

* * *

Почему так бывает часто-
Любишь ты, но не любит он.
Ждешь ты встречи, но все напрасно,
Не в тебя он совсем влюблен.
А соседский мальчишка робкий
Каждый день тебе дарит цветы.
Почему так бывает часто-
Любит он, но не любишь ты...

* * *

Я поведу плечом надменно, гордо,
Я выдержу, тебя не стану звать,
О если б люди знали как мне горько!
Но этого никто не должен знать!
не от смущенья опустив ресницы,
иду среди чужих и незнакомых лиц.
Пусть все вокруг пылает и дымится.
лишь только б дым не шел из под ресниц!

* * *

Нет! Я видеть тебя не хочу!
Если очи стану искать-
Веки темные опущу.
А язык мой тебя назовет-
Я зубами его прикушу:
“Замолчи, не шепчи, сумасброд!”
Ну а если из сердца крик?
Если сердце начнет тебя звать,

Как мне сердца унять язык,
Как язык мне сердца унять?

* * *

Любовь большую мы несем,
Но я - к тебе, а ты -к другой,
Опалены большим огнем,
Но я -твоим, а ты другой.
Ты слова ждешь, я слова жду,
Я от тебя, ты от другой.
Твой образ вижу я в бреду,
Ты бредишь образом другой.
И что уж тут поделатъ, раз
Самой судьбе не жалко нас,
Что нас жалеть? Живем любя,
Хоть ты -другую, я -тебя....

* * *

Ты любил, но всё мне было чуждо:
В тягость были нежные признанья,
Преданность была смешной, ненужной,
Встречи лишены очарованья.
Мне сказали, что в разгаре боя
Ты погиб... немилый мой, но милый,
Как же попрощаться мне с тобой -
На чужой земле твоя могила.

Как раскаянье меня отныне
Обличает горько и сурово,
Словно оскорбила я святыню,
Не сдержала клятвенного слова.

Жизнь ты отдал страждущей отчизне...
Как мне жить с безжалостной ошибкой,
Как мне жить, когда тебя при жизни
Не дарила доброю улыбкой!

Отыскать бы мне твою могилу,
Высказать бы в муке нестерпимой
Всю любовь, которой обделила,
Обделила я тебя, любимый!...

* * *

Я слабой была, но я сильной была,
Я зла не творила, а каялась долго,
Небрежно, небрежно жизнь прожила -
Подобно ребенку, царице подобно.

Мне надобно было воскликнуть: "Постой!
Продли мою жизнь! Дай побыть молодою!"

Сказала: "Ступай! Этой ночью пустой
Дай мне посмеяться над нашей бедою!"

Я верила чаду речей и лица,
Когда же мне в них обмануться случилось,
Сама отвела я глаза от лжеца,
И это была моя месть или милость.

Вовек не искала того, что нашла,
А то, что нашла, потеряла навеки.
Богатством утрат возгордилась душа,
Надменно отринув хвалу и наветы.

Я слабой была, но я сильной была,
Я зла не творила, а каялась долго,
Небрежно, небрежно жизнь прожила -
Подобно ребенку, царице подобно.

* * *

С такую силой я любила,
В таком жила сплошном огне,
Что сердце недовольно было
И говорило сердце мне:
"Как я могу вместить так много
Богатства чувства твоего,
Так много счастья и тревоги,
Прощений, ревности - всего?"
Увы, теперь, когда мне больно
Знать, что в душе покой и тишь,
Сама я сердцем недовольна:
"Зачем спокойно так стучишь?
Без радостей и без печалей
Как я могу на свете жить?
Ведь мы с тобой не отстучали!
Давай любить! Желать! И жить!"

* * *

Идёшь ты мимо дома моего,
Такой холодный и чужой такой,
А я ищу тебя лишь одного
В чужом дому с надеждой и тоской.

Кому попало на своём пути
Меня готов ты выдать каждый миг...
Трепещет имя на устах моих,
Но вслух его боюсь произнести.

Твоя душа – гостиница, мой друг,
Легко войдёт и выйдет человек.

Как в крепости, в душе моей навек
Закрылся ты, в неё ворвавшись вдруг.

Порой тебе завидую до слёз,
Собой недовольства не тая,
Что в жизни встретить довелось
Любовь тебе такую, как моя.

* * *

Ушел...
Но знаю всей душою –
Нам друг от друга не уйти.
Я знаю, я всегда с тобою,-
Я перекрою все пути!
Я – дом твой, я – твоя дорога,
Ты ходишь с именем моим.
В тебе меня настолько много,
Что нету места там другим.
И сколько б женских глаз ни встретил –
Мои глаза увидишь в них.
Я для тебя одна на свете,
И тут не может быть других.
И чьи б ни слышал голоса ты –
Услышишь в них меня одну.
Коснусь тебя ветвями сада,
Глазами полночи взгляну.
Когда домой вернешься поздно,
Ты снова вспомнишь обо мне.
Я стану дымом папиросным,
Я стану звездами в окне.
Через любые километры
До сердца сердцем дотянусь.
В окно влечу я нежным ветром.
Закроешь – бурю ворвусь!
Есть у любви своя отвага!
Влетев в твой дом, в твой мир, в твой быт,
Смешаю все твои бумаги,
Всю жизнь смешаю может быть...
Не смеешь ты меня забыть!

ЛИЛИТ

Ты — первый огонек меж первых двух кремней,
Ты — движущийся блеск неоновых огней.
Неуловимая от самых давних дней,
Лилит, Лилит!

От века скрытая в душевной глубине,

Всегда как в облаке, как в дымке, как во сне.
Вдвойне желанная, бесценная вдвойне,
Лилит, Лилит!

В теснинах сердца ты как праздничный тайник,
Родник влечения, сомнения родник.
Падение и взлет, блаженства краткий миг,
Лилит, Лилит!

Здесь — и земля и хлеб, а ты - порыв мечты.
Ты — где-то, и твои изменчивы черты.
Воспламененная , испепеляешь ты,
Лилит, Лилит!

Здесь — тихий, теплый кров, а ты — пустырь, простор,
Здесь — тлеющий очаг, а ты — лесной костер,
Здесь — примирение, а ты — извечный спор,
Лилит, Лилит!

Непризнанная, ты всему и всем чужда.
Здесь — Ева. Здесь — плоды. Твой цвет не даст плода.
Меж небом и землей одна, одна всегда,
Лилит, Лилит!

ЖЕНЕ

Встречаться нам не доводилось.
Кто ты? Тебя не знаю я.
Так отчего ж, скажи на милость,
Не оставляешь ты меня?

Слыхала я, что красотою
Особою не блещешь ты,
Что у тебя лицо простое
И лишь глаза ясны, чисты...

Какие же дары незримо
Душа твоя таит в себе,
Что он избрал тебя любимой,
Единственной в своей судьбе?

Я полюбить его успела.
Как любят солнце — издали,
И сердце расцвело несмело,
Как в тёплый день цветы земли.

Недолговечно это чудо,
Без солнца не цветут цветы,
И с горечью я позабуду
Его слова, его черты...

Но будь достойна этой боли,

Люби его ещё сильнее,
Люби великою любовью —
Своей любовью и моей!

* * *

В дыму горючем горького прощанья
Твоей вины огонь гасила я.
Как часто ревность мучила меня.
Её душила я без содроганья
В дыму горючем горького прощанья.

И этот дым клубился столько раз,
Что в нём огонь любви моей погас...

ВЕСНА

Ты был холодным, белым, как зима,
Любовь моя и та не растопила
Твой вечный лёд. Но близ тебя сама
Замёрзла я, хоть пламенно любила.

Суровой та зима ко мне была,
И в тёплом доме сердце леденело,
И грусть, как хлопья снежные, бела,
На жизнь мою ложилась то и дело...

Но время шло. Под солнцем таял снег,
Весна несла восходов полыханье,
А ты всё мерз, холодный человек,
От своего холодного дыханья.

Весна, весна! Она лишь к тем идёт,
Чьё сердце — словно в половодье реки.
Восторг и грусть, кипенье вешних вод...
Весна! Весна! Ты мне дана навеки.

* * *

Была добра любовь моя,
Великодушна, терпелива.
Тебя благословляла я
И в жесточайший миг разрыва.
Моя тоска была светла,
В мученьях ревности беззлобна,
И всё, что зависти подобно,
Испепелила я дотла,
Чтобы душе не жить без света.

А нынче мелким ручейком
Сама себе кажусь, когда я,

Холодный взгляд поймав тайком,
Лишь холодею, не страдая,
Сама свидание прерву,
Когда предчувствую разлуку,
И первой протяну я руку,
Но не прощаю, не зову,
И думаю — любовь ли это?..

ГОДЫ СПУСТЯ

Я образ твой хочу сберечь.
Я не хочу с тобою встреч.
Порой спешу с пути свернуть,
Чтоб не столкнуться где-нибудь.

Да, я хочу, любимый мой,
Чтоб жил ты в памяти моей
Таким, как был ты той зимой,
Той давней ночью без огней.

Чтоб как тогда меня любил
И той же синью цвёл твой взор,
Чтоб ты нежнее снега был
И жёг сильнее, чем костёр.

Чтоб снова таяла зима
От жарких губ, от слов твоих,
Чтоб вновь я верила сама
В неповторимость смысла их!

Казалось мне тогда — ты мог
Забывать и славу и себя,
И мир восторга и тревог
К ногам моим сложить любя.

Я образ твой хочу сберечь,
Я не хочу с тобою встреч,
С тобой, потухшим, серым, злым...
Ступай один путём своим.

* * *

Не надо, милый, клятва, ведь это слепота —
Сегодняшнему дню грядущий дать в залог.
Поверим в этот миг — он истинно высок,
А ждать, искать, молить не будем никогда.

Близки и далеки, как будто две звезды,
Давай любить легко — как будто не любя.
Ведь столько есть цепей! Так новых для себя
Давай не принесём в него ни я, ни ты.

ПО НАРОДНЫМ МОТИВАМ

1. Ручьи

Вы куда, куда, ручьи?!
Как блестит вода, ручьи!
С шумным плеском, с чистым блеском
Мчитесь вы всегда, ручьи...

В ваши светлые струи
Слёзы я лила свои.
Смех свой слив с моей печалью,
Вдаль бежите вы, ручьи.

Вы несите в море, вдаль
Сердца горе и печаль,
Вы скажите встречным людям,
Что утешусь я едва ль.

Только если мать мою
В дальнем встретите краю,
Вы скажите — я не плачу,
Вы скажите — я пою...

/Перевела Е. Николаевская/

2

Зелёные дороги, неровные, неверные,
Всех вяжут ваши пути, любовные, неверные,
Лишь я на бездорожье грущу одна без милого,
Видать, судьбой пути мне дарованы неверные.

Мой милый за горами, за их грядой печалится,
Ах, добрые дороги, во мгле седой печалится...
Ко мне его ведите, цветы кидая под ноги.
Не рано ли, дороги, мне, молодой, печалиться?

/Перевела В. Звягинцева/

3

Мы как солнце и луна —
Рядом наши имена.
Но, как солнце и луна,
Ты один, и я одна.
Не сойдутся день и ночь:
Лишь приду — уходишь прочь...
Мы как солнце и луна:
Встреча нам не суждена!

/Перевела Эм. Александрова/

4

Теряюсь я, теряюсь я:
В безбрежности причуд твоих,
В ночном лесу кудрей твоих,
В снегах чела и щёк твоих —
Теряюсь я, теряюсь я!

Теряюсь я, теряюсь я:
И в молниях очей твоих,
И в сумраке бровей твоих,
И в терниях ресниц твоих —
Теряюсь я, теряюсь я!

Из снега выйду — на пути
И лес и море; не пройти,
Как сердце мне твоё найти?
Теряюсь я, теряюсь я!..

/Перевёл Б. Садовский/

5

Прохлада ночная...
Усни, усни!
Стою у окна я.
Усни, усни...

Уйду, коль захочешь.
Усни, усни!
В безмолвии ночи
Усни, усни...

Ах, сердце, тревожно
Так не стучи!
И ты, если можно,
Усни, усни...

/Перевела И. Снегова/

6. Ах, сердце твоё

Подснежник глянул на белый свет —
Улыбки твоей цветение!
Фиалок первых весёлый цвет —
Глаз твоих синь весенняя!

Ива, склонённая над волной —
Стан твой как ива нежная!
Иву ласкает ветер ночной —

Дыханье твоё безмятежное!

Солнце выглянуло из-за гор —
Губы твои пунцовые!
Туча закрыла небес простор —
Ах, сердце твоё свинцовое!

/Перевела Е. Николаевская/

7

На краю скалы крутой
Мак трепещет. Это ты.
Лишь люблюсь красотой
Высоко растут цветы.

Вниз, в ущелье, я гляжу:
Родничок там. Это ты.
Не напившись, ухожу
С одинокой высоты.

Прячет моря глубина
Редкий жемчуг. Это ты.
Не достать его со дна,
Из холодной немоты.

Вечно близок и далёк
Арарат наш. Это ты.
Твой снежок меня обжёт
Недоступностью мечты...

/Перевела В. Звягинцева/

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

Ах, как жаль мне, как безмерно жаль
Глаз моих — тоски-тоски встревоженной,
Слов моих — слезинок-слёз непрошенных
И любви потоков — в море брошенных,
Ах, как жаль мне, как безмерно жаль!..

Ах, как жаль любви, по крохам собранной,
По крупичкам найденной, накопленной,
Обретённой в вековечных поисках,
В миг один утраченной и поправленной —
Ах, как жаль мне, как безмерно жаль!..

/Перевела Е. Николаевская/

САЯТ-НОВА

Как много раз твой страстный саз

в ночах звенел, Саят-Нова!
Могучий дар, созвучий жар
в тебе горел, Саят-Нова!
Ты в глубь сердец проник, певец,
тревожным трепетом любви,
Доныне твой родник живой
не оскудел, Саят-Нова!

Как зов души в ночной тиши,
в глуши садов зелёных — ты.
Ответный свет зажжёт, поэт,
во всех сердцах влюблённых ты.
Отрадный луч, прохладный ключ
для всех неутолённых — ты.
От жгучих мук, как лучший друг,
спасать умел, Саят-Нова!

Влечёт поэтов голос твой,
мечта высокая твоя.
Поэты грезят о такой,
как черноокая твоя.
Терзает девушек тоской
любовь глубокая твоя.
Кто беззаветней призывал
и пламенел, Саят-Нова!

В прекрасных песнях мир воспет,
но дар твой — несравненный дар,
Словами страсти полон свет,
Но жар твой — несравненный жар,
Твоей любимой краше нет,
в ней тайна несравненных чар,
Утратить власть, в веках пропасть —
не твой удел, Саят-Нова!..

/Перевела М. Петровых/

ОСЕННИЙ ЗОВ

Зову тебя не робостью ветвей,
Едва зазеленевших,
Не весельем
Ручьев весенних —
Зову тебя я осенью своей,
Зову тебя я зрелостью осенней,
Безмерной грустью листьев опадающих,
Тревогой рек, в ущельях пропадающих...
Приди!
Уж заморозки, хоть и снега нет нигде ещё -
Мне нужен жар твой, теплота твоя!
Приди!
С моей ладони холодеющей

Вдаль улетают птицы в тёплые края —
Нужна мне жаркая рука твоя!
Приди!
Последние плоды спадают на траву
С моих деревьев (о, восторг вкушенья!..).
Отдачей осени, и самоотрешеньем,
И осени отчаяньем зову,
Зову я щедрой данью урожая:
Приход зимы опережая,
Приди!

/Перевела Е. Николаевская/

* * *

ОСЕНЬ

В природе — сытость влагою и сырость.
Октябрь желает жёлтым малевать.
Вот и свершилось то, что сердцу снилось:
Прощай! Разлуки нам не миновать.

Ступай! Иди, куда идти велит
Неверности тяжёлая свобода.
Я помогу тебе! Поторопись!
Мой опыт провожаний так велик —
Я преуспела в этом, как природа
В искусстве провожать листву и птиц.

В дорогу соберу тебя сама:
Все вспышки губ, все россыпи и клады
Тайн безымянных — отдаю! Возьми!
Ах, странник мой! Полна твоя сума —
В ней все твои неистовые клятвы,
Непрочные, как детский вздор весны.

Что вспоминать! Давно растрочен август.
Душа и лес зияют в октябре.
Не медли же! Мне пустота не в тягость.
О, благодарствуй! Добрый путь тебе!
А слёзы? Пусть их! Это лишь ошибки
Моих зрачков! Всё минет без следа.
Мой опыт провожаний так обширен,
Так замкнута моей судьбы тропа...

/Перевела Б. Ахмадулина/

РАЗРЫВ

Знаю, знаю, что она красива,
Что глаза — темнее ночи звёздной...

Уходи. От нашего разрыва
Рухнут стены... Прочь, пока не поздно!

Не гляди в глаза мои украдкой.
Эти слёзы — вздор, и что в них толку!
Плачь не плачь, а счастье было кратко.
Плачь не плачь, а горю длиться долго.

Уходи скорей. Открыты двери.
Не следи за мной в тоске неловкой.
Сердце не свыкается с потерей,
Коль к тебе привязано верёвкой.

Ты отходишь, и петля невольно
Затянулась, будто мы всё ближе!
Это больно. Понимаешь? Больно.
Оторвись!

Уйди скорей!
Уйди же!

/Перевела М. Петровых/

* * *

Во мне нет-нет да оживёт
Необъяснимая отрада:
Какая редкая награда,
Какой благословенный дар
Был горделивым предком мне завещан.
И я, слабейшая из женщин,
Такую силу нахожу в себе,
Такую волю,
Что, одиночества предпочитая долю,
Не покоряюсь плачущей судьбе,
Я отпускаю человека на свободу,
Распутываю мысль его и крылья,
Идущие из сердца нити обрываю,
Своей рукою двери открываю:
На все четыре стороны лети! —
Да, я даю ему уйти.

Завидуйте мне, люди, страны — вся планета
И вы, властители чужой судьбы.
Не раб ваш слаб,
А вы слабы!
И потому, что есть у вас рабы,
И вы — рабы!
В любви свободен тот, кому отпущен дар
Ударом не ответить на удар
И даровать, любя,
Себе подобному свободу от себя...

/Перевёл Э. Балашов/

* * *

Чтобы поднять тебя на пьедестал,
Чтоб удержался ты на пьедестале,
Чтоб крыльями орлиными блистал,
Орлиным взором созерцая дали, —
За это я всю душу отдала.
Я верила в тебя, как верят дети.
За все твои недобрые дела
Передо мною не был ты в ответе.
Закрыв глаза, глядела на тебя,
Чтоб видеть лишь таким, как мне хотелось,
Обманывалась, вымысел любя.
Куда же ослепление это делось?
Ты рухнул с пьедестала, и тотчас
Прозрела я, но как сознаться тяжко:
Всем сердцем я платила за алмаз,
А оказался он простой стекляшкой...

/Перевела М. Петровых/

* * *

И эта любовь так была на любовь непохожа.
И этот разрыв разве чем-то похож на разрыв?
Была еле слышная, дальняя песня. И что же?
Она умерла, два луча в две ладони разлив.

Два голоса влажных — два сердца во глубь телефонов
Роняли дыханье — оно погружалось, как сеть.
Они не оставили в книгах ни листьев сушёных,
Ни писем желтеющих — нечему в печке сгореть.

Средь гула и рокота суетных улиц нарядных
Две пары подошв так растерянно шли... никуда!
Исчезли они, не войдя ни в одно из парадных,
На глянце асфальта, как все, не оставя следа.

И эта любовь так была на любовь непохожа.
И этот разрыв разве чем-то похож на разрыв?
Была еле слышная, дальняя песня. И что же?
Она умерла, два луча в две ладони разлив...

/Перевела Ю. Мориц/

* * *

Не думай, что был ты всех лучше и выше.
Уж так получилось,
Уж так это вышло...

Давили те дни, словно чья-то немилость,
За дверью дождливая осень дымилась,
Оттуда, снаружи — ни слуха, ни духа,
Стучали часы методично и глухо.
Как слёзы, стучали,
Тоску источали,
Тоску, что казалась такою бездонной,
Что в собственном доме была я бездомной.
Чернел телефон — глыба камня немого,
За дверью дождливая осень дымилась,
И сердце так к сердцу другому стремилось,
Что было в неправду поверить готово...

/Перевела Е. Николаевская/

* * *

Я слабой была, но я сильной была,
Я зла не творила, а каялась долго,
Небрежно, небрежно жизнь прожила —
Подобно ребёнку, царице подобно.

Мне надобно было воскликнуть: «Постой!
Продли мою жизнь! Дай побыть молодой!»
Сказала: «Ступай! Этой ночью пустой
Дай мне посмеяться над нашей бедою!»

Я верила чадуречей и лица,
Когда же мне в них обмануться случилось,
Сама отвела я глаза от лжеца,
И это была моя месть или милость.

Вовек не искала того, что нашла,
А то, что нашла, потеряла навеки.
Богатством утрат возгордилась душа,
Надменно отринув хвалу и наветы.

Я слабой была, но я сильной была,
Я зла не творила, а каялась долго,
Небрежно, небрежно жизнь прожила —
Подобно ребёнку, царице подобно.

/Перевела Б. Ахмадулина/

* * *

Ты моей любовью был, тайный свет бывшего ты.
Если кто-то сердцу мил — это снова, снова ты.

Пусть расстались мы — и я знать не знаю о тебе.
Пусть другой меня пленил — это снова, снова ты.

Пусть люблюсь не тобой, призываю не тебя,
Кто бы сердце ни томил — это снова, снова ты.

Мне другого полюбить оказалось нелегко.
Ах, тебя он не затмил — это снова, снова ты.

Ты впитался в жизнь мою, как в сухую землю дождь,
Если сад мой полон сил — это снова, снова ты!

/Перевела М. Петровых/

* * *

От своей же силы я устала,
Так устала – больше не могу,
И от славы, словно от обвала,
Я бегу.

Ты, как сын природы, простодушный.
Мне б горянкой робкой прикорнуть
У тебя под мышкою послушно
И всплакнуть...

/Перевела И. Лисянская/

* * *

...И забыть, что есть дом — и свой дом позабыть.
И забыть, что есть долг — и свой долг позабыть.
И призванье своё, и свой род позабыть,
И признание твоё, мой народ, позабыть.
Позабыть о стране, позабыть вдалеке
О своей несвершенной мечте и строке.
Позабыть о суде, позабыть о судьбе,
Все концы, все начала увидеть в тебе.
И однажды низвергнуться снегом с вершин,
И до верха заполнить долину-кувшин,
И растаять, разлиться, как в марте вода,
Чтобы русло твоё поломать навсегда,
Чтобы к морю своё наводнение нести,
Чтобы сделаться морем самой по пути —
Осмеять, позабыть все основы основ
И любить без оглядки, без страха, без слов...

Ни к чему эти строки — как искра в золе.
Это всё невозможно со мной на земле!..

/Перевела Ю. Мориц/

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПЕСЕН

Прости меня, любимый мой, прости.

Был прежде твоего рассвет мой ранний.
В моей душе — печать воспоминаний
И образы, забытые почти —
Мне их не потерять и не найти...
Прости меня, любимый мой, прости.

И если загляжусь я ненароком,
И если позову полунамёком,
И, с жадой счастья в глубине глубин
К твоей груди прильну на миг один,
Чтобы в тебе опору обрести, —
Прости меня, любимый мой, прости.

В глазах моих сиянья не лови.
В них не горит счастливый свет любви,
В них — сумрак, Ванским озером хранимый.
Смятение грозы неукротимой
И верность долгу на крутом пути...
Прости меня, любимый мой, прости.

Должна другая стать твоей судьбою —
Смеющаяся, — та, что вся с тобою.
А я иным мечтаньям предана,
И знать и помнить многое должна,
Мне от моих раздумий не уйти.
Прости меня, любимый мой, прости.

Любимый мой, счастливого пути!..

/Перевела М. Петровых/

* * *

Не вспоминается один-единственный,
Одной-единственной могилы в сердце нет.
Мерцают чьи-то имена таинственно
Над братскою могилой без примет.

Пред чьим же камнем преклоню колени я?
Кто жарких слёз моих в молчанье вечном ждёт?
Где свечи жечь и воссылать моления
И ладан воскурять — где камень тот?

/Перевела М. Петровых/

* * *

Настоящее нас развело,
В будущем нас ждёт непониманье...
Наше — только прошлое.
Оно —
В нас Звартноцами * воспоминаний.

И мы знаем с тобой непреложно:
Реставрация их невозможна.
Но от нас лишь одних зависит
Словом, брошенным ненароком,
Иль поступком неосторожным
Не осквернить, не унизить
Рухнувшие капители...
Если в прошлое вдруг вернёмся,
Чтобы были у нас хоть камни,
Пред которыми мы могли бы
Помолчать, преклонив колена...

/Перевела Е. Николаевская/

* Звартноц – разрушенный храм, памятник VII века.

СТАРОСТЬ

Старость!
Вот начинается своё наступление старость.
Тайно, украдкой, но без промедленья
В чёрную ночь чёрных волос
Белый десант бросает старость.
Вот на глаза морщины идут в штыковую.
И молодые огни угашает старость.
За рубежом рубеж занимает старость,
Каждую складку лба за собой закрепляет.
Сердце — беспечный командир гарнизона –
Молодцевато пирует и не понимает,
Что часовых его старость снимает
И за окопом окоп занимает.

/Перевёл Б. Слуцкий/

ОСЕННИЙ САД

Ты польхай, ты пламеней,
Ты не бледней, осенний сад!
Ещё совсем немного дней
Повремени, о листопад!

Ручей, беги, звени, дыши,
Не стань немым под тонким льдом,
Холодный ветер, не туши
Огонь, пылающий кругом!

Там, где горит ещё листва,
Должна дожждаться я любви,
Должна произнести слова,
Ещё горящие в крови.

И смех в журчанье ручейка
Ещё услышать должен сад!
Ручей, беги, звени пока.
О зятянься же, листопад!

/Перевела Е. Николаевская/

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Я снова вспоминаю тех, что на сердце тоской остались,
И тех, что с юных лет в душе отрадой дорогой остались,

И вас, явившихся на миг, запечатлевшихся навечно,
Что для меня как вешний гром над тихой рекой остались,

И вас, мимо идущих, — вас, что удалились безоглядно
Лишь озарили светом глаз и словно свет благой остались,

И вас, что видели меня, не видя и не замечая,
И в глубине души моей, как тайный непокой, остались,

И даже вас, что мне клялись в любви и клятвам изменяли, —
Вас, что покинули меня, моей тоской глухой остались, -

Беззлобная моя душа в тиши ночной благословляет
Всех, что запомнились навек и в песне хоть строкой остались...

/Перевела М. Петровых/

* * *

Ты писем от меня не жди.
Мне трудно в письмах жить душою.
Огонь, бушующий в груди,
В них меркнет, словно в них чужое

Как будто кто-то за меня
Писал их, избежав признаний.
Сердечного стыжусь огня,
Стыжусь рассказанных страданий.

Но таинство, но волшебство —
Поэзия — преград ей нету:
В ней, скрытое от одного,
Звучит, всему открыто свету.

/Перевела М. Петровых/

ТВОРЧЕСТВО

В моих любовных песнях не ищите
Безвестных иль прославленных имён —

Вам не свершить каких-либо открытий,
Я не пойму сама — где явь, где сон.

В такие дни, которых вспомнить нечем,
Вдруг песня прерывала немоту
И, благодарная бескрылым встречам,
Крылатая, взмывала в высоту.

Мгновенный шёпот, чей-то вздох несмелый
Иль чей-то взгляд, что счастьем засверкал,
И, словно эхо, песня зазвенела,
И, как в горах, в ней отзвук не смолкал.

Где эти люди, где мгновенья эти?..
В душе и в сердце — в существе моём.
Они — один-единственный на свете,
И только с ним сквозь жизнь я шла вдвоём.

Он явью был и вымыслом неясным.
Он был и не был, он не мог не быть.
Он воплощался ожиданьем властным.
Он возникал, чтоб я могла любить.

Он создан мной, мечтаньями моими,
Биеньем жарким сердца моего...
Вы понапрасну не ищите имя —
Ни мне, ни вам не отыскать его.

/Перевела М. Петровых/

ПЕСНЯ ПЕСЕН

Судьба мне всё дала, что я хотела,
И лишь любви счастливой не дала,
Чтоб я не остывала, чтоб горела,
Чтоб вечно беспокойною была —
Чтобы меня закаты и рассветы
Тревогами несбывшимися жгли,
Чтоб голоса надежд моих неспетых
Звенели колокольчиком вдали —
Чтоб понимала я, что кличет ветер,
Что говорят деревья и гроза,
Чтоб мучилась и плакала, как Вертер,
И грустных песен знала голоса —
Чтоб всё у мира брать и не бояться,
Сокровища души ему нести,
Чтоб щедрость и была моим богатством,
Чтоб всё отдать — и, значит, обрести.
Чтоб не была глухой к чужой беде я
И узнавать могла, пока жива,
Непролитые слёзы и смятенье,
И слышать затаённые слова.

Чтоб всех моих разбросанных по свету,
Неведомых, мятущихся сестёр
Огни сердец, которым счёта нету,
В моих стихах слились в один костёр...
И чтобы в книгу книг моей земли,
Столетиями долгими увенчаны,
Волнения и вздохи женщины
Ещё одной страницей легли!..

/Перевёл Б. Окуджава/

* * *

Я стосковалась.
О том, чтоб с собою остаться наедине,
О предшествующей стихам тишине — стосковалась.
О том, чтоб смеяться в предутреннем сне,
О том, чтоб играть с детворой наравне, — стосковалась.
О том, чтоб из дома уйти ни за чем,
О том, чтоб бродить, не узанною никем, — стосковалась.
О том, чтоб обрадоваться счастливой строке, —
О мгновенье, когда весь мир держишь в руке, — стосковалась.
Заботы мои, тревоги день изо дня
В водовороте своём кружили меня,
Отторгли меня от меня, с дороги сбили прямой...
Я вдруг поняла, даже дом мой — не мой
И что я по себе самой — стосковалась.

/Перевела М. Петровых/

ЗАПОЗДАВШИЕ СЛОВА

Бабушка, бабушка!
Ты — та рука осторожная,
Наша защита надёжная,
Узловатые пальцы, набухшие вены,
Что из рук матерей, ещё робких, неопытных,
Забирали беспомощных, но отнюдь не безропотных,
И несли нас к корыту, полному пены,
И купали нас,
Священнодействуя...

Ты в младенческих наших ушах,
Полных гула и звона,
Песня первая «Лорик» во мгле полусонной.
Слово, что малыша,
Только что отделенного от пуповины,
Прочно связывает с землёй и Отчизной
И с историей воедино...

Ты недремлющий глаз, сон лелеющий наш,
Ты наш плач стерегущее ухо бессонное,

Нашим первым шагам ты опора и страж.
Ты гостинец, что вечно для внука припрятан,
Горсть орехов и кисть винограда.

Ты объятье, что прячет обиду притихшую
И повинную голову, вдруг подзатыльник схватившую...
Вижу камень щербатых дорожек,
Вижу взгляд твой встревоженный,
Твой передник из ситца в горошек,
Куда катятся наши слезинки-горошины...

Уязвлённая жестким невесткиным словом
От сынов своих боль свою прячущая,
Снова и снова — всепрощающая
И сводящая вместе воду с огнём...
День за днём подымая нас выше и выше,
Всё склоняешься ниже к земле...
В перестуке посуды — не пересуды,
А подавленный стон слышен...

Бабушка, бабушка!
Ты, в своё время не понятая,
На пьедестал на почётный не поднятая,
Словно книга святая в глубине сундука,
Затерявшаяся, непрочитанная,
Пусть земля тебе будет легка!
Ты в сердцах своих внуков,
Нынче дедов и бабок уже,
Голос долга восставший
И горькая память душе
О сладостных днях.
Вздых раскаянья слёзный:
«Поздно... Поздно...»

/Перевела Е. Николаевская/

* * *

Не за свою счастливую звезду
И не за то, что выразить смогу
Свой дух стихом и правды не нарушу —
Перед судьбою в большем я долгу
За самый этот дух,
За душу,
За вечно ей присущую черту:
И подлинную страшную беду,
И просто козни недругов,
Угрозы,
И тихий яд, и сплетни на убой —
Принять в себя, принять сквозь смех и слёзы,
И, растворив в себе,

Как прежде, быть собой
И, устья ран закрыв здоровой тканью,
Открытой оставаться всё равно
Дыханью лет — да не замрёт оно! —
Людскому теплому дыханью...

/Перевёл Ю.Ряшенцев/

* * *

Когда б я могла,
Как цветок, увядая, склониться смиренно
И — не оробеть.
Дать колосу жизнь, истлевая зерном постепенно,
И — не пожалеть.
Волной речной пропадая в море, заискриться пеной
И — звонко запеть.
Звездой по небу скользнуть мгновенно, пропасть во вселенной
И — гибель стерпеть. Когда б я могла
Умирать, как природа, и ночью, и денно,
И — не умереть...

/Перевела М. Петровых/

СТИХИ, НАВЕЯННЫЕ ГЕНРИХОМ ГЕЙНЕ

Порою так мне хочется суметь
Уйти, самой себе поставив срок,
И эту — со спесивой кличкой «Смерть» —
Окинуть взглядом с головы до ног,

Сказать ей: — Ладно, вижу, ты — не миф.
Что ж, чёрт с тобой, твоя, как видно, власть.
И твой закон не столь несправедлив:
Рождённый жить рождён однажды пасть.

И я уйду, оставив по себе
Две-три строки, хороших или нет.
А что конец и песне, и судьбе —
Так от того авось не сгинет свет.

А что до личных дел, так всё равно
Моя тропа почти завершена.
Сын, слава богу, на ногах давно,
Ему теперь не так уж я нужна.

Ни дома нет, чтоб вбить последний гвоздь,
Ни сада нет, чтоб первых ждать плодов.
Моя фортуна – запоздалый гость,
Я не из тех, кто ждать её готов...

Так что же, Смерть, бери, когда берёшь!..

Но до чего оскал ехиден твой.
Насмешница, неужто сознаёшь,
Что живо всё в душе моей живой!

Какая мысль крылом бессонным бьёт
Какую боль лелею и таю!..

Ах, в девяностый столь далёкий год
Увидеть бы Армению мою!..

/Перевёл Ю.Ряшенцев/

МОИ ИСТОКИ

В дни Вардавара * к родникам бегущих
Девчонок юных радость есть во мне.
Прохладный смех без видимой причины,
Что льётся, как из горлышка кувшина,
И озорство их песен есть во мне,
И тяга к легкомысленным подчас,
Задиристым словам...
Но в трудный час
Я чувствую в себе
Армянских матерей живую силу,
Что у врагов пощады не просила,
Армянских матерей,
Хоть маленьких, но стойких,
Наседок,
Под крылом птенцов укрывших стольких, —
Их гнев и волю чувствую в себе.

Наряженных, торжественных, без слов
Идущих в церковь величавых снох
В моей походке плавность и осанка.
В моих глазах — острастка и приманка
Их взглядов полных тёмного огня...
Но в жилах у меня
Есть сдержанная кровь
Армянских жён, свой берегущих кров,
Мужей-скитальцев молчаливо ждущих,
Терпенье у родной земли берущих,
Не видящих любви по многу лет –
Во мне их верность,
Их спокойный свет...

/Перевела Е. Николаевская/

* Вардавар — праздник воды, сохранившийся в Армении ещё с языческих времён.

МОЕЙ МАТЕРИ

Утратой смертною, о мать моя,
Была ты обездолена так рано!
От светлых дней тебе осталась я,
От радостей живых — живая рана.

Томилась ива юности твоей,
Склоняясь над моею колыбелью.
Не напоило сохнувших ветвей
Иного счастья светлое веселье.

Как властно жизнь звала к иной весне.
Манила жизнь ликующей любовью,
А ты в ответ тихонько пела мне
И к моему склонялась изголовью.

Я выросла, легко мне и светло.
Счастливая, вошла я в жизнь большую.
Всем сердцем осознав добро и зло,
О мать моя, как о тебе грущу я!

Чем я воздам, печальница моя!
Мне так ясна немыслимость отплаты,
А для тебя всего дороже я,
Со мною все мечты свои слила ты.

Я славы для себя не жажду, мать,
Но стать хочу я сильной, мудрой, смелой,
В пути моём тебя достойной стать,
Чтоб ты об отданном не пожалела.

* * *

Армянская страна, родная сторона,
Огромен белый свет, а я тебе верна.

Ты стародавний храм над древнею скалой,
А небо над тобой что купол голубой.

Голубкою бы стать под куполом твоим,
Чтоб тень его была мне кровом дорогим.

Куда б ни улететь — к тебе вернуться вновь,
Под купол голубой нести свою любовь.

Умру — меня твоя укроет тишина,
Армянская страна, родная сторона.

ВЕРНОСТЬ

Если б ты знал, сквозь какие напасти,
Сквозь какие туманы любовь я несла!..

Огни твоего возвращенья угасли,
И шла я на ощупь, но всё-таки шла.
Мне сердце немислимой ношей казалось,
Дорога была от соблазнов душна,
Пьяня, как вино, искушенье металось,
Но я — я в обратную сторону шла.
И если случайное доброе слово
Кого-то за мной уводило подчас,
Зелёный огонь светофора я снова
Меняла на красный — огнём своих глаз.

На празднике шумном
Всех звонче был смех мой, пожалуй,
И многим он отзвуком счастья казался, поверь.
А вечером поздним,
Прощаясь с моим провожатым,
С любезной улыбкой
Закрывала накрепко дверь.
И я погружалась
В своё одиночество снова —
Не смейся, не смейся,
Осталась я верной судьбе,
Любви моей свету,
Желанию счастья большого,
Всей сути моей я осталась верна —
Не тебе!..

ПЕСНЯ О НАШИХ КАМНЯХ

О камни —
Вы сама история!
Мы жили в бедах, в нищете
И зданья траурные строили,
Как памятники темноте.
Творцы с глазами обречёнными
Стирали кровь и пот со лба,
И камни в стенах были чёрными,
Как наша чёрная судьба.
Черны монастыри задумчивые,
И храмы древние черны,
И проступают в них измученные
Моей Армении черты.
О камни траурные, чёрные
Полов,
И потолков,
И стен,
Захватанные,
Закопчённые,
Со вмятинами от колен!
А где-то праздничные, разные,
Забившись тихо в уголки,
В земле таились камни радости,

Как бы под пеплом угольки...
О камни, спавшие веками
И время знавшие суровое!
О камни, розовые камни,
Сиреневые и лиловые!
Но вы из мглы подземной выбились -
Вам не пристало быть во мгле!
Наверх,
На землю,
К людям вырвались —
И стало радостней земле!
И новых стен цвета весенние
Под цвет весенних наших дней,
И вся судьба моей Армении,
Как и судьба её камней!
Своими добрыми руками
Их пробудило время новое.
О камни, розовые камни,
Сиреневые и лиловые!

АРАРАТСКАЯ ДОЛИНА

Скажут: — Армения! — вспомнятся горы,
Выси крутые в вечном снегу,
Реки промчатся вдруг перед взором,
Камни ворочая на бегу...

Ты же, задумчива и смиренна,
Шепчешь о чём-то мне в тишине.
Скажут: — Армения! — ты непременно,
Милая с детства, вспомнишься мне.

Словно рванулась в порыве едином
Ты из-под гнёта каменных груд...
Здесь, на земле Араратской долины,
Сразу в добро превращается труд:

В сада цветущего благоуханье,
В шёпот колосьев, в шелест ветвей,
Камню даст речь он, песне — дыханье,
Душу — земле благодарной твоей!

С этой землёю всеми корнями
Я сплетена, словно твой виноград.
В сердце твой Норк * так и блещет огнями,
В сердце твой древний дымит Арарат.

Всё в тебе — молодость нашей столицы
И незапамятные века,
С дымом заводов мешаясь, струится
Дым легендарный из тростника **.

Ты — и кувшин, в Кармир-Блуре *** открытый,
Ты — и фонтанчик уличный в зной,
Камень Звартноца, мохом покрытый,
И монумента портал резной.

Где б ни была я, где б ни ходила —
В ближнем краю и в далёком краю, —
Щедрую, полную жизни и силы,
Чувствую всюду землю твою.

И потому на земле доныне
Твёрдо стою и уверенно я.
Прадедов речь ты, дыхание сына,
Дом мой, стихи мои, сила моя!..

* Норк — окрестность Еревана.

** Мифический герой Ваагн родился в пламени из тростника.

*** Кармир-Блур — местность под Ереваном, где обнаружены при раскопках памятники древности.

НА ПЛОЩАДИ ЛЕНИНА В ЕРЕВАНЕ

Храмы на скалах мы воздвигали —
Ближе к богу и небесам.
Но даже камень враги сжигали
И сокрушали за храмом храм.

Мы строили крепости на горах —
Свирепые реки внизу гремели!
Но враг настиг нас во мгле ущелий,
Но крепости наши разрушил враг
И размолот их в прах.

Мы строили башни выше, грозней
И сражались — упрямей, бесстрашней.
И чтобы прочнее стояли башни —
Мы камни скрепляли кровью своей.
Всё, что имели, мы клали в фундамент —
Верность, веру, заветов свет, —
Но рушился испепелённый камень,
И тьма покрывала след...

Но вот мы начали строить снова.
На сердцевидный клочок земли
Мы руины Ани * принесли —
Камень, от крови отцов багровый.
Мы строили жарко, истово, яро,
И гордые арки из Ахтамара **
Для потомков наших спасли.
Звартноца сияющие капители

Вырывали мы из объятий тьмы.
Цемент на мечте замесили мы,
На звёзды грядущего мы смотрели!
И верим, надёжно верим ныне,
Что под взглядом зорким твоим
Бессмертна пребудет наша твердыня,
Что новый дом наш — несокрушим...

* Ани – средневековая столица Армении.

** Ахтамар – остров на Байском озере, где находятся старинные архитектурные памятники.

АРМЯНСКИЕ ГЛАЗА

Где ни встречу его: на лице ль малыша,
У крестьянки морщинистой и седоглавой, —
Узнаю этот взор: в нём сияет душа.
О армянские очи, прекрасны всегда вы!

Отразившие древних времён маету,
Сквозь беду и бесправье, сквозь боль вековую,
Как смогли пронести вы свою красоту,
Задушевность такую и ясность такую?..

ОРЕХОВОЕ ДЕРЕВО

Мой древний народ, мой мудрый народ,
С ореховым деревом ты сравним:
Ты в мира саду, среди горных высот,
Рос в самом конце, под ветром сухим.
Так мало земли под стволом твоим,
И так распростёрты руки ветвей,
Что падали век за веком вдали
Плоды, вскормленные кровью твоей,
На пыльные тропы чужой земли...

НАШ ПАНТЕОН

Наш пантеон не пышен, не просторен:
Всего лишь несколько простых могил.
О мой народ, богатый смертью, горем,
Где ж ты других великих схоронил?

Веками в горьких думах об отчизне,
Они трудились от неё вдали:
Родного крова не нашли при жизни,
По смерти не нашли родной земли.

Теперь на старых кладбищах чужбины
Покоятся они меж трав и мхов,
Одни — под небом дальней Аргентины,

Другие — возле Сены берегов.

А сколько их под острым ятаганом
В немой пустыне обрело конец!
Могилы их — сухой песок с бурьяном
Да боль живущих, раны их сердец.

Наш пантеон... В безмолвии, в забвенье
Разбросан он по всем краям чужим.
Лишь слёзы, слёзы и благословенье
Наш дар могилам дальним дорогим!...

ТРИОЛЕТ

Аветику Исаакяну

Как и армянские монастыри,
Дом твой из чёрного туфа построен.
Шли к тебе пахарь, и знахарь, и воин,
Как и в армянские монастыри.
Шли так к Маштоцу *, с зари до зари,
К тем, кто бессмертья теперь удостоен.
Как и армянские монастыри,
Дом твой из чёрного туфа построен.

* Месроп Маштоц в начале V века создал армянскую письменность.

БЛИЗ БЮРАКАНСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Гоня перед собой овец кудрявых,
По гладкому шоссе
Шагает смуглый деревенский мальчик.
Спешат барашки мелкими шажками,
Копытца их оббиты о века... А он
Поёт одну из песен Азнаура,
Летучую, как звёздный след...

А утра свет —
В ознобе от бессонницы: точь-в-точь
Как бледный астроном, что на всю ночь
Прикован к телескопу...
И башни в серебристых куполах,
Как полководцы в битве Аварайрской *,
Сверкающие шлемы устремили
В высокий небосвод...
Поёт
Идущий мальчик, мне напомнив
Свободной, независимой походкой
И выправкой уверенной своей —
Кого? Не самого ль Амбарцумяна?

Взаимосвязь таинственна и странна
Меж ними — как меж небом и землёй...
Ночной покой...
Сквозь вырубленный в крыше Бюракана
Ердык ** — вселенная видна.
Созвездиями сыплется она
Сквозь телескоп — к мальчишке на подушку —
И счастье сулит,
Как в давние года
Одна звезда...

* Аварайрская битва состоялась в 451 году между персидскими и армянскими войсками.

** Ердык – отверстие для света в центре потолка крестьянского дома.

ВХОДИТЕ К НАМ

Люблю сумятицу суббот,
Когда, приехав из селенья,
Племянники — лихой народ —
Ворвутся без предупрежденья.

Работа, отдых —
Всё вверх дном!
Взывает мама: — Ноги, ноги!.. —
Куда там!
На подошвах в дом
Несут едва ль не полдороги!

Хохочут — гам стоит вокруг! —
И пахнут ветром и деревней,
И лезут в бабушкин сундук,
И мучат мой приёмник древний...

Но с этой осени у нас
Ведут себя мальчишки чинно:
Едва придя ко мне — тотчас
Спешат ребята к пианино.
И мир настороженно тих,
И мальчишки играют вволю
Всё то,
Чему учили их
В новорождённой сельской школе.

И вечер светел и широк,
И я откладываю книжку,
И резвый маленький «Сурок»
Бежит по комнатам вприпрыжку...

Бетховен! Ты издалека

Приходишь нынче в город, в дом мой,
Из той деревни, что века
Лишь с песней гор была знакома.
Лишь грусть ашуга пела там,
Был в камень горизонт закован.

Великие, входите к нам,
Добро пожаловать, Бетховен!..

БЫТЬ ИЛЬ НЕ БЫТЬ?

Нам, армянам,
 принявшим с древности вызов
Смертей и нашествий,
 всегда был близок
Гамлет, в наши вошедший души,
С нами по нашим горам идущий.
И по всем безысходным векам, как вехам,
И в каждой судьбе, и во всех домах
«Быть иль не быть?» — вопрошало эхо,
«Быть иль не быть?» — сводило с ума...
И вот на нашей земле возрождённой,
На милой земле, от мук ограждённой,
На улочках высокогорных сёл,
Под светлыми сводами новых школ,
У древних стен, что с резьбой чеканной,
Шумят развесёлые мальчуганы.
Ты, чужеземец, бродя по склонам,
Бровей не вскидывай удивлённо,
Слыша, как матери кличут их ласково
Именем бледного принца Датского.
Хотя они по-южному смуглые
И по-армянски они говорят,
Хотя черны их глазёнки круглые
И угольками горят-горят.
Гамлеты, маленькие и потешные,
Над мудрыми книгами ещё не потевшие,
Штанишки свои по заборам рвущие,
Бегущие от матерей за порог...
Ещё невдомёк им: а что оно — лучшее?
А где она — лучшая из дорог?
«Быть иль не быть?» —
 сомнение жгучее
Их не касалось ещё и не мучило,
Но всем своим безоблачным обликом,
Обликом, солнечным светом облитым,
Но громким топотом и весельем,
Здоровьем, которого не погасить,
В мир устремлённым взглядом весенним:
«Быть! — они утверждают. —
 Быть!..»

ПЕСНИ О РОДНИКАХ-ПАМЯТНИКАХ

1

В чужом краю, в полях чужой земли
Без имени пропал он, без могилы,
Хотя б домой рубаху привезли,
Чтоб мать слезами кровь на ней отмыла...

Но памятник-родник стоит в селе,
В тени орешины зеленокудрой.
Немало их на каменной земле —
С войны у нас такой обычай мудрый.

Есть где поплакать матери седой.
Она сюда приходит утром рано,
Мешает слёзы с льющейся водой,
Ласкает камень алый, словно раны.

Так каждый день встречаются они —
Сын с матерью, друг друга утешая.
Бежит вода — бегут за днями дни,
Безвыходное горе облегчая.

2

И день и ночь — свежа, легка —
Бежит вода из родника.
Пойдут ли пахари в поля —
Напьются, жажду утоля.
Горянка по воду пойдёт —
На парня глазом поведёт.
В тени орешины с утра
Шумит босая детвора,
Ребята бегают гурьбой,
Друг друга брызгают водой.
Течёт вода и лепет свой
Вплетает в жизни шум живой.
В ней павших воинов сердца,
И ей, как жизни, нет конца...

3

Если мутны и совесть твоя, и душа,
Смотришь косо на всё ты, чем жизнь хороша,
Если со справедливостью ты не в ладу,
Ищешь лёгкой судьбы, жизни в праздном чаду,
Если этой священной чистой водой
Никогда не омоешь ты пот трудовой,
Не падёт его капля на землю отцов,
Не сольётся в земле с кровью павших бойцов
Проходи и не пей!

НА ПЕРРОНЕ

Дрогнули вагоны, и в окне
Грустная улыбка промелькнула
Поезд уходил. И, как во сне,
Вслед ему я руки протянула.

Замерло дыханье на лету,
Голос потонул в колёсном стуке
Только устремились в пустоту
Рельсы, как протянутые руки.

РАЗЛУКА

Нас город девяти вокзалов свёл.
А после руки девяти вокзалов —
Стальные рельсы — вырвали тебя,
Не размышляя, из моих объятий...
И опустело сердце у меня,
Как после отправленья поездов
Платформы этих девяти вокзалов.

Во мне — тоска бесчисленных разлук,
Боль всех разлук на девяти вокзалах!
Протяжными, прощальными гудками
Летящих в девять точек поездов
Вздыхаю я
На стынувших дорогах...

* * *

Да, я сказала: «Уходи», —
Но почему ты не остался?
Сказала я: «Прощай, не жди», —
Но как же ты со мной расстался?

Моим словам наперекор
Глаза мне застилали слёзы.
Зачем доверился словам?
Зачем глазам не доверялся?

ЗОВ

Снега от тоски в разлуке с тобой
Чернеют, застыв, и тают — приди!
Созвездья небес, на путь твой ночной
Глаза обратив, сгорают — приди!
Бушуют леса и, тысячи рук
В тоске заломив, вздыхают — приди!
Дробясь об утёс, потоки вокруг

В весенний разлив вскипают — приди
Всё в мире слилось в единый призыв,
Мир, многоголос, взывает — приди!

ЧАСЫ ОЖИДАНИЯ

Не пришёл ты... И ночь почернела в тоске.
Вот и сердце моё как пустой переулочек.
Лишь клюёт тишину чей-то шаг вдалеке,
Чей-то шаг запоздалый, тревожен и гулок.

Я надеюсь ещё. Я впиваюсь во тьму,
Я ловлю, как шаги нашу улицу мерят.
Вот всё громче, всё ближе к крыльцу моему,
Вот сейчас подойдут и затихнут у двери...

Но шаги, удаляясь от двери моей,
Раздаются в тиши всё спокойней и строже...
И болит моё сердце сильнее и сильнее,
Будто топчет сейчас его каждый прохожий.

* * *

Идёшь ты мимо дома моего,
Такой спокойный и чужой такой...
А я ищу тебя лишь одного
В чужом дому — с надеждой и тоской.

Кому попало на своём пути
Меня готов ты выдать каждый миг...
Трепещет имя на устах моих,
Но вслух боюсь его произнести.

Твоя душа — гостиница, мой друг,
Легко войдёт и съедет человек...
Как в крепости, в душе моей навек
Закрылся ты, в неё ворвавшись вдруг.

Порой тебе завидую до слёз,
Собою недовольства не тая,
Что в гуле жизни встретить довелось
Тебе любовь такую, как моя...

* * *

Что ж, торжествуй! Ты одержал победу,
Зови меня послушною рабой,
Но ненадолго поддалась я бреду —
Безумью стать вдруг не самой собой.

Гляжу в твои глаза — в них ночь беззвёздна,
Я заплуталась в этой гиблой тьме,

Но выбраться мне из неё не поздно —
Покамест я ещё в своём уме!

Вот на лице твоём победы скука —
Предшествовала ей всего игра, —
А на моём лице, ты видишь, — мука.
Что ж, торжествуй! Но как близка пора,

Когда я на тебя совсем бесслёзно,
Нелюбящая, гордая, взгляну
И медленно пойду туда, где звёздно
И мрак не застигает вышину.

* * *

В хрустальной вазе на столе твоём
Стоят цветы, подаренные мною.
Ты не меняешь воду. День за днём
Они всё ниже никнут головою.

И падают, как слёзы, лепестки,
Касаясь чуть твоей сухой руки...

* * *

Когда б любовь моя была
Слаба, как свечка, и мала,
Ты никуда б уйти не смог —
Всё б огонек её берег
И в продолженье многих лет
Дрожал: вот-вот погаснет свет!

Но ведь она же не свеча,
Она, как солнце, горяча,
И потому, наверно, ты
Не знаешь страха темноты,
Уходишь ты на срок любой —
Любовь, как солнце, над тобой!

* * *

Судеб я наших в мыслях не связала,
Надеждами не обольщалась, нет —
Люблю так безрассудно я, так шало,
Как любят море, солнце, лунный свет.

И зря меня в дому твоём, ревнуя,
Клянут как неотвязную беду:
Не бойтесь! В окна к вам не загляну я,
Ни разу даже мимо не пройду!..

* * *

Живи как хочешь — я мешать не буду!
Швырну в огонь движением руки
Плоды ожесточенья — песен груды,
Хоть, словно дети, мне они близки.
Живи как хочешь, я мешать не буду!

Что песни? Их простор для сердца тесен,
Душа щедрей, душа богаче песен!

И если ты мне встретишься с другой,
Не поглядев, сверну с твоей дороги,
Чтоб тени угрызенья иль тревоги
Не вызвал ненароком облик мой.

Живи как хочешь — я мешать не буду!

ЗАБВЕНИЕ

Ты решил, что тебя я забыть не смогу?..

...Как широк этот мир, сколько радости в нём!
Сколько ран он наносит и лечит потом!..
Я в кипучую жизнь, словно птица, влечу
И глубокую рану свою залечу —
И забуду, навеки забуду тебя...

И, пленённая маем, одна за двоих,
Я брожу, опьянённая счастьем других,
Улыбаясь проходим, деревьям, домам, —
О минувшем я сердцу и вспомнить не дам...
(О, как славно бродили мы вместе с тобой!..)

В полночь дружеский стол зазывает меня,
Беззаботным весельем и смехом маня,
Песня птицей парит над моей головой —
Растворяюсь я в радости этой живой...
(О, как пел ты когда-то всю ночь до утра!..)

Мочь синеет, и звёзды мерцают над ней.
И пьянею от праздничных жарких огней,
И на миг чей-то взгляд в мою душу проник —
Я счастливой себе показалась на миг...
(О, как нежно и строго умел ты смотреть!..)

Кто-то долго меня провожает домой,
Мы смеёмся и шутим, окутаны тьмой.

По ночным мостовым пробродив допоздна,
Мы желаем друг другу приятного сна...
(«Ну, прощай!» — я твой голос в душе берегу...)

Ты решил, что тебя я забыть не смогу?..

* * *

Нет! Я видеть тебя не хочу!
Если очи станут искать —
Веки тёмные опущу.

А язык мой тебя назовёт —
Я зубами его прикушу:
«Замолчи, не шепчи, сумасброд!»

Ну а если из сердца — крик?
Если сердце начнёт тебя звать,
Как мне сердца унять язык,
Как язык мне сердца унять?

* * *

Я поведу плечом надменно, гордо,
Я выдержу,
Тебя не стану звать.
О, если б люди знали, как мне горько!
Но этого никто не должен знать!
Не от смущенья опустив ресницы,
Иду среди чужих незнакомых лиц...
Пусть всё в груди пылает и дымится —
Лишь только б дым не шёл из-под ресниц!

* * *

Ушёл...
Но знаю всей душою —
Нам друг от друга не уйти.
Я знаю, я всегда с тобою, —
Я перекрою все пути!
Я — дом твой, я — твоя дорога,
Ты ходишь с образом моим,
В тебе меня настолько много,
Что нету места там другим.
И сколько б женских глаз ни встретил
Мои глаза увидишь в них.
Я для тебя одна на свете,
И тут не может быть других.
И чьи б ни слышал голоса ты —
Услышишь в них меня одну.
...Коснусь тебя ветвями сада,

Глазами полночи взгляну.
... Когда домой вернёшься поздно,
Ты снова вспомнишь обо мне.
Я стану дымом папиросным,
Я стану звёздами в окне,
Через любые километры
До сердца сердцем дотянусь.
В окно влечу я нежным ветром,
Закроешь — бурю ворвусь.
Есть у любви своя отвага!
Влетев в твой дом, в твой мир, в твой быт,
Смешаю все твои бумаги,
Всю жизнь смешаю, может быть...

Не смеешь ты меня забыть!

* * *

Объятый именем моим,
идёшь по улице с другой.
Я, с кем-то чуждым и другим,
иду по улице другой.
Несчастливы и я, и ты,
и те, чьи милые черты
Нам но милы. О, плач земной:
Всегда — с другим, всегда — с другой

* * *

Разрыва боль не унималась долго
И душу жгла мне много горьких дней...
Казалось, убоявшись кривотолков,
Я отступилась от мечты своей.

Хотелось мне в твой скучный дом ворваться,
И разом двери настежь распахнуть,
И крикнуть, что нам незачем скрываться,
Что нас с тобой один уводит путь!

И вот сегодня в час закатный, гулкий
Я встретила глаза детей твоих,
Звучал их смех в пустынном переулке,
Светилась радость в тёмном взгляде их.

И спорили они и волновались...
«Клянусь отцом...» — они клялись тобой.
...Навек соединённые судьбой,
Мой милый, хорошо, что мы расстались...

ПИСЬМА

Храбро бился батальон.
Бой окончился к закату.
В часть явился почтальон
И вручил письмо солдату.

Как победы свет живой,
Что блеснёт на горизонте,
Как товарищ боевой,
Радует письмо на фронте.

Нежность материнских рук
В этих письмах пожелтелых,
Словно мать коснулась вдруг
Щёк солдата загорелых.

Треугольное письмо
Душу наполняет силой,
Словно бьётся в нём само
Сердце трепетное милой.

Полевым цветам сродни
Письма близких и любимых.
Дышат свежестью они,
Словно ширь лугов родимых.

...Здесь поля обнажены.
Над равниной безымянной
Тусклый блеск чужой луны
Меркнет в вышине туманной.

На груди листки лежат,
И, согретый тёплым словом,
После боя спит солдат,
Словно под родимым кровом.

* * *

Твердь земную пропитала кровь,
Не смолкает гул артиллерийский...
Здесь узнали первую любовь
Лейтенант и девушка-связистка.

Всё замолкло в грохоте свинца,
Но в громах, что ударяют близко,
Чётко слышат, как стучат сердца,
Лейтенант и девушка-связистка.

РАСКАЯНИЕ

Ты любил, но всё мне было чуждо:
В тягость были нежные признанья,
Преданность была смешной, ненужной,
Встречи — лишены очарованья.

Мне сказали, что в разгаре боя
Ты погиб... Немилый мой, мой милый,
Как же попрощаться мне с тобою —
На чужой земле твоя могила.

Как раскаянье меня отныне
Обличает горько и сурово,
Словно оскорбила я святыню,
Не сдержала клятвенного слова.

Жизнь ты отдал страдающей Отчизне...
Как мне жить с безжалостной ошибкой,
Как мне жить, когда тебя при жизни
Не дарила доброю улыбкой!

Отыскать бы мне твою могилу,
Высказать бы в муке нестерпимой
Всю любовь, которой обделила,
Обделила я тебя, любимый!..

ВДОВЕ ГЕРОЯ

Твоя утрата выше слёз и стонов —
Ведь тот, кто был тобой, как жизнь, любим,
Боролся ради счастья миллионов,
А был весь век твоим — и лишь твоим.
И, словно кован из прочнейшей стали,
Он мужество бросал в лицо врагам.
Пред ним, как пред грозой, отступали,
А он, как мальчик, льнул к твоим рукам.
Нет меры горю!.. Но высокий жребий —
В последний миг в глазах героя всплыть.
Взлететь лучом в его померкшем небе,
В движенье губ его предсмертном быть.
Какая это праведная участь —
Жить негасимой памятью о нём,
Сокрытою, бесслёзной мукой мучась,
Любить его, гореть его огнём.
А в трудный миг печали и обиды
Его письмо достать, как талисман,
И гордой стать, и слёз своих не выдать,
И пересилить боль живучих ран.
И, озаряясь светом этим прошлым,
Живой любовью мёртвого любя,
Встать над соблазном, над довольством пошлым,

Что гибнет, разбиваясь о тебя.
И с этой чистой памятью живую
Идти вперёд наперекор судьбе...
Пусть все вокруг зовут тебя вдовою,
А я подчас завидую тебе.

ВОЙНА

Осиротевших матерей венчает славою народ,
Учтиво уступают путь вдове погибшего бойца,
Охотно на руки берут, ласкают бережно сирот,
Стараются от всей души родного заменить отца.

А вы? Кто замечает вас, случайно встретив на пути?
Вас, не успевших дорасти до званий матерей и жён.
Потере вашей меры нет — ведь не успели вы найти,
Чьи имена оплакать вам? Ведь не узнали вы имён.

Вы успели их узнать, они не увидали вас.
Вы были созданы для них. Они бы всюду вас нашли.
Их тьма, ослепших, не прозрев, не вспыхнувших любовью глаз,
Непрозвучавших нежных слов во глубине сырой земли.

А каждый шепот милых губ в вас целый мир бы разбудил,
Возвёл бы кров над головой очей влюблённых каждый взгляд,
И в ваших выцветших глазах возникло бы сиянье сил,
Что наполняют женщин тех, которым о любви твердят.

Напрасно ждали вы дождя — жестокой засуха была.
Иссякла нежности река, и вы увяли вместе с ней.
И материнства благодать на вашу плоть не снизошла,
Не подарили жизни вы своих единственных детей.

Война... Не кончилась она, когда умолк последний взрыв.
Она, как мина, много лет взрывает медленно сердца.
Мать вечной памятью жива — её ребенок с нею жив,
И дети взрослые вдове — живая память про отца.

А вы? Кого вам вспоминать? Чего вам ждать? Идут года...
Их след — морщинка на лице, в тяжёлых косах седина.
Движенье времени — увы! — вас не утешит никогда,
Вы те печальные поля, где продолжается война...

ОДА КО ДНЮ ПОБЕДЫ

Ты отливаешь яркой гранью мая,
Светящийся, как драгоценность, день.
Мы помним о тебе с такой любовью,
С такой тоской и нежностью высокой,
Как два седых усталых человека
Безмолвно помнят свой венчальный трепет.

О, утро, что берёт начало ночью
В потоке сверхъестественного света,
Рождённого в глазах, сердцах людей!
Ты ликование принесло на землю.
И мир напоминает мне бутылку,
Наполненную солнечным шампанским.

О, нетерпенье пенного вина!
Как далеко летит печали пробка,
Как радостно прогрохотал восторг
Спустя минуту залпами из пушек!
В какой бокал влетит фонтан ракет?
День радости, восторга, День Победы!

Поцеловались небо и земля,
Закинув головы в сиянье фейерверка.
И добрыми губами океанов
Сомкнулись полушария Земли.
Войска с войсками целовались громко,
И, как верёвки, спутались, смешались
Железные границы государств.

Поцеловались радиоволнами
Потресканные губы городов,
Поцеловались улица и площадь
Восторженными толпами людей.
Мужчины крепко целовали женщин,
Забыв себя и плоть свою на миг,
Забыв тоску, и выгоду, и горе,
Став за одно священное мгновенье
Великими в любви и доброте.
День вдохновенья, чистоты, величья!

Стал небосвод объятием бездонным,
А горизонты — тонкими руками.
Они в одно кольцо соединились
И взяли человечество в свой круг.
Оно смеялось громко, простодушно,
Его страданья сделали ребёнком —
И вот оно опять готово верить.
День ласки, перемирья и доверья,
День до конца оправданных надежд!

Ты — самый яркий среди всех прошедших,
Ты — самый щедрый среди всех минувших,
Неповторимый, самый невозвратный,
Не знающий подобных, День Победы!..

ГОЛУБЬ МИРА

На груди широкой командира,
Чуть раздвинув ордена, медали,

Приютился белый голубь мира,
Белый голубь мира из эмали.

Белой птицы крошечные крылья
Сложены в торжественном покое:
От грозы и бури их укрыли
Боевые ордена героя...

ЗЕМЛЯ

Здесь, в дремучей чаще, в сердце леса,
Землю изувечила война.
Но истлело ржавое железо,
Тёмная воронка чуть видна,

Вся позаросла травой нежной,
Старый дуб раскинул корни в ней,
И уютно, мирно, безмятежно
Белый гриб уселся меж корней.

Ель широколапая над краем
Прикрывает трещины земли.
Всюду, всюду, всюду — нет числа им,
Незабудки ярко расцвели.

Нет, мы не забыли, не забудем,
Даже в этом полдне голубом,
Что земля цветёт на радость людям,
Что земля цветёт не ради бомб!..

ДЕВОЧКА В ЛЕСУ

Она ещё совсем мала —
Лет пять на свете прожила,
А здесь, в лесу, полно чудес,
Как сказка, манит тёмный лес.
Откуда Оле знать о том,
Что бой гремел в лесу густом,
Что эти ямы в два ряда
Звались траншеями тогда!

И Оля дальше в лес бежит,
От мамы спрятаться спешит.
Вот яма на её пути,
Здесь маме дочку не найти.
Откуда Оле знать о том,
Что стойкий взвод в лесу густом
В окопах двадцать дней лежал
И оборону здесь держал!

И Оля вновь бежит вперёд,
Как сказка, лес её влечёт.

В другую яму забралась.
Срывает ягоды, смеясь.
Откуда Оле знать о том,
Что каждый шаг в лесу густом,
Весёлый путь среди цветов
Оплачен кровью смельчаков!

Откуда Оле знать о том!

* * *

Наверное, меня поймёт лишь мать:
У материнских душ один язык.
Ступая тихо, чтоб не расплескать,
Стакан воды принес мне Араик.

Благословен труд материнский мой!
Всю жажду долгих лет в короткий миг
Я утолила этою водой,
Которую принёс мне Араик...

В ЦАХКАДЗОРЕ

В Цахкадзоре, в Цахкадзоре
Лес шумит, алеют зори.

В Цахкадзоре был наш лагерь.
Поднимали утром флаги
Мальчуганы и девчата —
Темноглазые галчата.
Высоко шатёр маячил,
Долетал до неба мячик,
Как мы все костры любили!
Эти дни ушли, уплыли,
Но плывёт дымок тот синий
В памяти моей доныне,
Будто, девочкой, играя,
Всё дивлюсь огню костра я.

В Цахкадзоре, в Цахкадзоре
Тот же лес и те же зори.

Поднимаюсь лесом в гору,
Не спеша иду, не скоро:
Я веду с собой ребёнка,
Он мне руку сжал ручонкой.
А потом бежит за птицей,
Пёстрой бабочке дивится,
Мак срывает придорожный
И бегом назад тревожно —
Весь в пыли, устав от зноя, —
Вновь под крылышко родное.

Так бредём под солнцем летним
Мы путём тысячелетним.

В Цахкадзоре, в Цахкадзоре
Вечен лес, бессмертны зори...

СЫНУ

Ты не отличник, мой мальчик, нет,
Домой не приносишь грамот-наград.
И другие матери мне вослед
С доброй завистью не глядят.

Бабушка старенькая ворчит:
«Мячик да мячик — дни напролёт!»
Соседка сердито ко мне стучит —
Видимо, жаловаться идёт.

Но, бывает, игру ты бросишь не раз,
И склонишься над бабушкой больной,
И взглядом живым в мой тяжёлый час
Украдкой, с любовью следишь за мной.

Но когда ты подаренный шоколад
Другу с охотой отдаёшь,
Когда на защиту слабых ребят
В драке дворовой смело встаёшь,

Я в глубине твоей вижу, сынок,
Под шероховатой и грубой корой,
Чистое золото, ясный поток,
Душа твоя светлая бьётся порой.

Может, звездой тебе не блеснуть —
Званий не будет, талантов нет,
Но сердцем раскройся, пускайся в путь,
Сверкни и людям отдай свой свет —

Но будь человеком, мой мальчик, будь!..

* * *

Учебники сын раскидал по столу
И сном беспробудным мальчишеским спит..
На вешалке новенький китель висит,
Ботинки — тридцатый размер — на полу...

Давно ли теплом материнской руки
Я пухлые ножки могла согреть?
Когда же ботинками школьными стать
Успели матерчатые башмачки?

Когда же мы столько успели, сынок, прошагать?

МАТЬ И СЫН

Глядят друг на друга и слова не могут найти —
Глухая стена между матерью скорбной и сыном.
Два дерева — с кроной несхожею, с корнем единым,
Одно иссыхает, другому — расти да цвести.

Не девять лишь месяцев, а девятнадцать лет
С любовью и трепетом сына под сердцем носила,
Всю душу, все помыслы, юность свою, свой расцвет
Вдыхала в сыновнюю плоть как духовную силу.

Стоят и молчат, ни один не опустит лица.
Меж ними молчанье такое, что дрогнули б скалы.
Единая кровь, но сколь розно стучат их сердца!
Быть ближе нельзя, но и дальше нельзя быть, пожалуй.

Откуда, когда, почему это всё началось?
Тот путь, что от матери сына уводит, тяжеле,
Чем путь отступленья, где роты расходятся врозь,
Чем путь в кандалах по этапу сквозь посвист метели.

Где розни начало? Сегодня ли, час лишь назад
Из тёмных глубин поднялся этот призрак разлада?
И мать ужаснулась, поняв, что сыновний взгляд
Таит отраженье чужого и чуждого взгляда.

Иль в прошлую зиму, когда, не смыкаячи глаз,
Ждала до утра и, заслышав звонок, закричала
От счастья, от гнева, от мук, от всего, что тотчас,
Обрушась на сына, под матерью пол закачало?

Иль раньше, когда ни за что обругал он со зла
Товарища школьного... Боже, что с матерью случилось!
Она в исступленье пощёчину сыну дала,
А ночью от этой пощёчины в муках металась.

Иль раньше ещё, иль почти что от самых родин...
Ведь против капризов его у неё, одинокой,
Лишь ласки бессильным оружием были, а сын
В крови уже нёс эти взрывы гордыни жестокой.

С весны ли, когда ты, девчонка, играла с судьбой,
Когда ещё доброго не отличала от злого
И не понимала, что жизнь разочтётся с тобой,
Что будущее подчиняешь ты власти бывшего.

О промах ребяческий, непоправимый вовек,
Хоть всё перечёркнуто в давнем свидетельстве неком...

Как страшно, когда самый близкий тебе человек
Мучительно видится самым чужим человеком!

* * *

Уходят сыны, уходят сыны:
В тапочках первых, из шерсти пушистой сплетённых,
В твёрдых сандаликах, стоптанных в играх и “драках,
В ботинках, натёртых до блеска, бегущих бегом на свиданье,

В сапожищах солдатских, тяжёлых и запылённых,
Уходят сыны, уходят сыны,
Увлечены и опалены
Лихорадкой огромного мира.
С каждой минутой — дальше на шаг,
С каждой минутой — нити слабей.
Неотвратимо отдалены,
Уходят сыны, уходят сыны.

Старая женщина встала в начале дороги.
Стоит и стоит одиноко на старом пороге, -
Но шевелясь, не разгибая спины...
И всё дальше уходят, уходят сыны.

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКУ СТРОИТЕЛЬСТВА ТОВАРИЩУ БОЧКИНУ

Дорогой товарищ Бочкин,
обращаюсь к Вам с письмом
Пусть не кажется Вам странным то,
О чём пишу я в нём.

Вот сидят передо мною рядом шестеро ребят,
Огорченьем и надеждой взоры юношей горят.

Я в глаза ребят вгляделась,
К их прислушалась словам,
И причину их волненья сообщить решила Вам:

Вшестером послали в детстве их в училище одно,
Шестерым по окончанье званья токаря дано.

Вшестером они трудились и гуляли в выходной,
По одним учились книгам, жили в комнате одной.

Всё на шесть частей делили. И когда ложились спать,
Так друг дружку укрывали, как когда-то в детстве мать.

Так и жили и учились неразлучные друзья,
Даже маленьких секретов друг от друга не тая.

Миновали годы детства — шестерых уж стройка ждёт,
Интересно здесь трудиться — знают это наперёд,

Только вот одно несчастье, вот о чём грустят друзья —
Вшестером им жить, как прежде, в общей комнате нельзя.

Говорят, приказ начальства. Но поймите, их ведь шесть,
И такое положение надо как-нибудь учесть.

Как же могут разлучиться эти шестеро ребят?
А в райкоме комсомола их и слушать не хотят:

«Вам условия для жизни предоставлены страной,
Почему же вам тесниться надо в комнате одной?»

Вы ж, товарищи, на стройке, где задачи велики.
Как же вас в такое время беспокоят пустяки!..»

Дорогой товарищ Бочкин, я согласна, это так:
По сравнению с самым главным дело юношей — пустяк!

Но порой бывает — мелочь, как она и ни мала,
Оказать влиянье может и на крупные дела.

И от маленькой заботы, так бывает, ей-же-ей,
На душе у человека вдруг становится теплей,

И сильней забьётся сердце, и яснее станет взгляд.
Так что, думаю, не стоит огорчать таких ребят.

Просто в виде исключения, на себя приняв «вину»,
Предоставьте в общежитье всем им комнату одну.

Пусть приказ о деле этом Вами будет срочно дан
С самым дружеским приветом. Подпись: С. Капутикян.

ВЕЧЕР

Потянуло вечерней прохладой,
Тонкий месяц на тучку прилёт,
В общежитье девичья бригада
Возвратилась в положенный срок.

Восемь каменщиц, восемь ровесниц
Всем восьми — девятнадцатый год...
Вспоминается девушкам месяц,
Что над дальним колхозом плывёт.

Пропылённые сняты спецовки,
Разноцветные блузки легки...
Смуглолицая нежно и ловко
Поливает на окнах вьюнки,

Черноглазая матери пишет,

Белокурая косу плетёт...
Только что это девушки слышат?
Кто под окнами с песней идёт?

Светлый месяц всё выше восходит,
Озаряет на стройке леса,
Где-то парни весёлые бродят,
Смутно слышатся их голоса.

Песня льётся всё мягче, всё тише,
Всё влюблённей вздыхает гармонь...
Чтобы лучше тоску её слышать,
Потушили девчата огонь.

Обе рамы распахнуты настезь,
И подруги, обнявшись в тиши,
То молчат от неясного счастья,
То смеяться начнут от души.

Кто поёт за окном — неизвестно.
Для кого — непонятно ещё.
Только в сердце от радости тесно,
Только щёки горят горячо.

Подымается месяц высоко,
Листья зябкие тронула дрожь...
«Что ты бродишь, гармонь, одиноко,
Что ты девушкам спать не даёшь?..»

НА ЮБИЛЕЕ ДЖАМБУЛА В АЛМА-АТЕ

Мы слетелись, друзья, из неведомых далей
Как дышалось легко на высоком пути!
И как будто затем самолёт создавали,
Чтоб могли мы друг друга скорее найти.

Пусть один от другого росли далеко мы
И в глазах отразился несхожий рассвет —
Мы беседуем так, будто с детства знакомы
Иль друг друга искали мы с детских лет.

Ведь от северных вьюг до бесснежного юга
Мы единой семьи, что любовью крепка.
Но могли ли мы, братья, понять друг друга,
Если б не было русского языка?

НА ДАЛЬНИХ ДОРОГАХ

Плывут, уплывают на юг облака,
А поезд на север спешит, и вокруг
Поля колосятся и даль широка...
Плывут облака, уплывают на юг.

Тоска по Армении сжала мне грудь.
Когда бы на миг очутиться мне там
И облаком белым неслышно прильнуть
К неласковым, диким, скалистым горам!...

ПЕСНЯ ДОРОГ

Как хорошо порой покинуть
И дом и город свой родной
И в мир, что пред тобой раскинут,
Отправиться совсем одной!
Где на земле ещё дороги
Так бесконечно хороши?
Где ветер странствий и тревоги
Так освежающ для души?

Пусть иногда меня не знают,
Откуда я, иду куда, —
Но незнакомую встречают
Гостеприимством города.
Как хорошо в краю далёком
По новым улицам пройти
И в лицах, что глядят из окон,
Родное, близкое найти!

И сблизиться со всеми, зная,
Что здесь везде твоя семья
И что везде ты как родная,
И со своими, и своя.
Где сразу станешь близкой всем ты,
Увидишь столько доброты,
Когда хоть робко, хоть с акцентом
Заговоришь по-русски ты.

Как хорошо, душою доброй
Вобрав всей Родины простор
Вернуться освежённой, бодрой
К подножью белоснежных гор,
Войти к друзьям и с жаждой новой
Вино своих садов испить
И под родимым кровом снова
Трудиться, радоваться, жить!..

ПОД КИЕВСКИМИ КАШТАНАМИ

1. Любовь

Я о тебе ещё в шестнадцать лет
Мечтала, как умела, по-армянски,
И все слова, нежней которых нет,
Шептала я несмело по-армянски.

С твоих больших неведомых дорог
Звала тебя, бывало, по-армянски,
О том, как ты прекрасен и высок,
В стихах я рассказала по-армянски.

Как знать могла я, что любовь свою
(В Армении поём мы по-армянски!)
Когда-нибудь потом я воспою
На языке другом, не по-армянски!

2

Иду... Из-под ног уплывает земля...
Качайтесь, качайтесь, каштаны!
Я жду — не появится ль радость моя?
Встречайте, встречайте, каштаны!

Как быстро темнеет! Не видно ни зги,
Уймите тревогу, каштаны!
Вы слышите, вы узнаете шаги?
Откройте дорогу, каштаны!

Шаги замолкают... И вновь никого...
Печальтесь, печальтесь, каштаны!
Машите ветвями, зовите его.
Качайтесь, качайтесь, каштаны!

3

Мы идём по Крещатику.
Только не рок и не случай
Свёл нас здесь в этот час
на земле украинской твоей:
С детства рядом мы шли
под сияньем кремлёвских огней,
Оба мы подрастали
в союзе народов могучем.

Под листвою шелковиц
и под сенью каштанов зелёных
Во дворах нас обоих
Чапаев в атаки водил;
И прославленный Чкалов
на полюс с собой увозил,
Уносил нас обоих,
одною мечтой окрылённых,

И в театре Франко
и в театре моём Сундукяна
Мы Любовь Яровую
сто раз вызывали подряд...

А когда над землёю твоей
разорвался снаряд,
Долетели осколки
до стен моего Еревана.

Шёл ты первым на приступ,
бойцов за собой увлекая,
Я шагала с тобой
на далёких путях фронтовых.
Вместе в Киев вошли мы
и слёз не скрывали своих,
Оба вышли на площадь мы
утром девятого мая.

Сколько трудных дорог
остаётся у нас позади!
Мы идём по Крещатику.
Машут калины ветвями.
Сколько новых путей
устремляется вдаль перед нами...
Где б ты ни был — в грядущее,
знаю, нам рядом идти!

4. Прощание

Мой дом вдали, за жёлтыми горами...
Звонок... Другой... Настал прощанья час
И равнодушно, не считаясь с нами,
Спокойный поезд разлучает нас.
Остался за лесами белый Киев,
Бегут столбы, за окнами скользят.
Передо мной твои глаза, такие,
Синей которых выдумать нельзя.

Тряхнул наш поезд серой гривой дыма,
Зажглась на небе дальняя звезда.
Плывут ноля, бредут деревья мимо,
И остаются сзади города.
Со мной в пути далёкий белый Киев,
Бегут столбы, за окнами скользят...
Передо мной твои глаза, такие,
Синей которых выдумать нельзя.

Армения!.. В окошках ранний вечер,
И на чинары оседает дым.
Как братья, горы вышли мне навстречу,
Окрашены закатом золотым.
Меня места встречают дорогие,
Встречают черноглазые друзья...
Передо мной твои глаза, такие,
Синей которых выдумать нельзя.

* * *

Не жалею на сердце я:
Пусть щемит, болит сильней!
Чужая радость мне – своя,
Чужая боль – своей больней.
Весь мир бы в сердце я взяла,
Костром горела б на ветру!
Лишь сердцем я всегда жила,
Пусть от сердца и умру...

Раскаяние

Ты любил, но всё мне было чуждо:
В тягость были нежные признанья,
Преданность была смешной, ненужной,
Встречи лишены очарованья.

Мне сказали, что в разгаре боя
Ты погиб... немилый мой, но милый,
Как же попрощаться мне с тобой –
На чужой земле твоя могила.

Как раскаянье меня отныне
Обличает горько и сурово,
Словно оскорбила я святыню,
Не сдержала клятвенного слова.

Жизнь ты отдал страдающей отчизне...
Как мне жить с безжалостной ошибкой,
Как мне жить, когда тебя при жизни
Не дарила доброю улыбкой!

Отыскать бы мне твою могилу,
Высказать бы в муке нестерпимой
Всю любовь, которой обделила,
Обделила я тебя, любимый!...

1945

* * *

Не заставь меня плакать, – я плакала много, любимый.
И не думай напрасно, что я холодна и надменна.
Мне изранили сердце, и в шрамах оно постепенно
Отвердело, но больно ему от ожога, любимый.
Безоглядно я шла, доверялась открыто и прямо,
Но как часто встречала я с горечью неодолимой
Камень вместо сердец, я же верила в сердце упрямо.
Нелегко мне досталась прямая дорога, любимый.
Мне бы тихо уснуть, по-ребячьи склонясь головою
На колени твои – отдохнуть от тоски нестерпимой.

Тайный свет сбереги, озаряющий сердце живое –
Вечереет мой день, уже ночь на пороге, любимый.

1958

* * * Ушёл...

Но знаю всей душою –
Нам друг от друга не уйти.
Я знаю, я всегда с тобою,
Нам в этой жизни – по пути!
Я – дом твой, я – твоя дорога,
Мы дышим воздухом одним.
В тебе меня настолько много,
Что нету места там другим.
И сколько б женских глаз ни встретил –
Мои глаза увидишь в них.
Я для тебя одна на свете,
И тут не может быть других.
И чьи б ни слышал голоса ты –
Услышишь в них меня одну.
...Коснусь тебя ветвями сада,
Глазами полночи взгляну.
Когда домой вернёшься поздно,
Ты снова вспомнишь обо мне.
Я стану дымом папиросным,
Я стану звёздами в окне,
Через любые километры
До сердца сердцем дотянусь.
В окно влечу я нежным ветром,
Закроешь – бурю ворвусь.
Есть у любви своя отвага!
Влетев в твой дом, в твой мир, в твой быт,
Смешаю все твои бумаги,
Всю жизнь смешаю, может быть...

Не смеешь ты меня забыть!

* * *

Девочка в лесу

Она ещё совсем мала,
Лет пять на свете прожила,
А здесь в лесу полно чудес,
Как сказка, манит тёмный лес.
Откуда Оле знать о том,
Что бой гремел в лесу густом,
Что эти ямы в два ряда
Звались траншеями тогда.

И Оля дальше в лес бежит,
От мамы спрятаться спешит.

Вот яма на её пути,
Здесь маме дочку не найти.
Откуда Оле знать о том,
Что стойкий взвод в лесу густом
В окопах двадцать дней лежал
И оборону здесь держал.

И Оля вновь бежит вперёд,
Как сказка, лес её влечёт.
В другую яму забралась,
Срывает ягоды, смеясь.
Откуда Оле знать о том,
Что каждый шаг в лесу густом,
Весёлый путь среди цветов
Оплачен кровно смельчаков.

Откуда Оле знать о том!..

1952

Песня песен

Судьба мне всё дала, что я хотела,
И лишь любви счастливой не дала,
Чтоб я не остывала, чтоб горела,
Чтоб вечно беспокойною была, -
Чтобы меня закаты и рассветы
Тревогами несбывшимися жгли,
Чтоб голоса надежд моих неспетых
Звенели колокольчиком вдали, -
Чтоб понимала я, что кличет ветер, -
Что говорят деревья и гроза,
Чтоб мучалась и плакала, как Ветер,
И грустных песен знала голоса, –
Чтоб всё у мира брать и не бояться
Сокровища души ему нести;
Чтоб щедрость и была моим богатством,
Чтоб всё отдать – и значит обрести.
Чтоб не была глухой к чужой беде я
И узнавать могла, пока жива,
Непролитые слёзы и смятенье,
И слышать затаённые слова.
Чтоб всех моих разбросанных по свету,
Неведомых, мятущихся сестёр
Огни сердец, которым счета нету,
В моих стихах слились в один костёр...
И чтобы в книгу книг моей земли,
Столетиями долгими увенчаны,
Волнения и вздохи женщины
Ещё одной страницей легли!..

* * *

Не вернулся сын твой с поля боя,
Наземь пал, чтоб больше не вставать...
Где, скажи, мне слово взять такое,
Чтоб тебя утешить в горе, мать?

Вот в саду сынок мой чернобровый
По дорожкам носится смеясь,
Всё, что есть на свете дорогого,
Отдала бы я ему сейчас!

Занозит ли палец он – от боли
Впору закусить губу самой;
Отойдёт, – тревожусь поневоле:
Где он, непоседа милый мой?

Чем же я в беде тебя согрею?
Где слова такие мне сыскать?
Может, я нашла бы их скорее,
Если б не носила имя – мать.

1944

Сон слепого

И снова видит сон слепой,
И на губах улыбки след...
В глазах людей ночной покой,
А он лишь ночью видит свет.

О боже, глянь, какая синь,
Как красен мир, как зелен мир!
И всё, куда ты взгляд ни кинь,
Имеет форму, блеск и ширь.

Здесь аромат имеет цвет,
То он травинка, то цветок,
А вон подружка детских лет –
Как выросла за краткий срок!

Река до края звёзд полна,
И девушка на берегу,
Из давних лет пришла она -
Я догоню! Я добегу!

И видит, видит он, слепой.
Но луч раскрасил неба край...
О солнце, погоди, постой,
Свет у него не отнимай!

1958

* * *

Звёзды свет молочный льют,
Погрузился мир во тьму,
А часы не устают,
Громко тикают в дому.
День и ночь они куют
Счастье крошке моему.

1946

На Батумской пристани

Корабль с величавым названьем «Россия»
Вошёл, прогудел, развернулся и стал,
И вот под железные трапы косые
Гранитные плечи подставил причал.
И, словно боясь, что опять от причала
Корабль отплывёт в чужестранный туман,
Сбегали, спешили, гремя по металлу,
Ноги, ноги, ноги армян!

В скитаньях каких и путями какими
И сколько прошли они стран и веков!
То камни, то пыль простирались под ними,
То жгло их болото, то пламя песков.
Бескрайные, злые, чужие дороги!
Приют безучастных, как мачехи, стран!
О, сколько прошли вы, усталые ноги,
Ноги, ноги, ноги армян!

Вас в портах подкашивал гнёт стопудовый
Дубовых бочёнков и грузных тюков,
Слабели вы — словно влачили оковы —
У чуждых плугов и хозяйских станков.
И не было маленькой самой тропинки,
Чтоб вас проводила под кров в ураган,
И не было маленькой самой травинки,
Чтоб вас обласкала бы, ноги армян!

И сколько армяне в приёмных прождали
У разных послов, прислонившись к стене!
Туда — вы с надеждой поспешно шагали,
Обратно — шатаясь, как будто во сне.
И блеск лакированных туфель, бывало,
И шины асфальт отражал, как экран,
А вы, как свинцом налитые, устало
Тащились, бездомные ноги армян!

Но вот он, корабль величавый «Россия»,
Приплыл и у светлого берега стал;
Не гнутся железные трапы косые,

И, сходите вы, торопясь, на причал,
И, словно гранитные плиты целуя
Ступнями в ожогах запекшихся ран,
Спешите на землю родную, святую,
Ноги, ноги, ноги армян!...

1948

Запоздалая весна

Солнце! Что ж ты глядишь так несмело?
Словно пламень сердечный погас...
Взглядом робким на миг обогрело
И за облаком скрылось тотчас...

В каждой почке, набухшей томленьем,
Ждут луча твоего лепестки,
Будто сердце порою весенней
В нежной власти любовной тоски.

Ждут они от тебя лишь намёка,
Чтоб поверить счастливой судьбе,
Чтоб узнать, что весна недалёко,
Чтоб раскрыться навстречу тебе!..

1954

В Севанских горах

Купаясь в струях света, одиноко
Стояла я в тиши севанских круч.
Стояла я высоко, так высоко,

Что плеч моих орёл крылом касался,
А ноги обвивало дымом туч.
Каким огромным, гордым мир казался!

Но вдруг, забыв о вековом просторе,
Я посмотрела вниз, ища жилья,
Ища тропинки на кремнистом взгорье.

По человеку стосковалась я!..

1948

* * *

Сердцу земли моё сердце сродни.
Если ты грудь мою плугом рассёк, -
В рану свои семена зарони -
И соберёшь, урожай, человек.

1945

Песня о наших камнях

О камни —
вы сама история!
Мы жили в бедах, в нищете,
и зданья траурные строили,
как памятники темноте.
Творцы с глазами обречёнными
стирали кровь и пот со лба,
и камни в стенах были чёрными,
как наша чёрная судьба.
Черны монастыри задумчивые,
и храмы древние черны,
и проступают в них измученные
моей Армении черты.
О камни траурные, чёрные
полов,
и потолков,
и стен,
захватанные,
закопчённые
со вмятинами от колен!
А где-то праздничные, разные,
забившись тихо в уголки,
в земле таились камни радости,
как бы под пеплом угольки.
О камни, спавшие веками,
и время знавшие суровое,
О камни розовые камни,
сиреневые и лиловые!
Но вы из мглы подземной выбились -
вам не пристало быть во мгле!
Наверх,
на землю,
к людям вырвались —
и стало радостней земле!
И новых стен цвета весенние
под цвет весенних наших дней,
и вся судьба моей Армении,
как и судьба её камней!
Своими добрыми руками
их пробудило время новое.
О камни, розовые камни,
сиреневые и лиловые!

Голубь мира

На груди широкой командира,
Чуть раздвинув ордена, медали,
Приютился белый голубь мира,

Белый голубь мира из эмали.

Белой птицы крошечные крылья
Сложены в торжественном покое:
От грозы и бури их укрыли
Боевые ордена героя...

1950

* * *

Любовь большую мы несём,
Но я – к тебе, а ты – к другой.
Опалены большим огнём,
но я – тобой, а ты – другой.

Ты слова ждёшь, я слова жду,
я – от тебя, ты – от другой.
Твой образ вижу я в бреду,
ты бредишь образом другой.

И что уж тут поделать, раз
самой судьбе не жалко нас.
Что нас жалеть? Живём любя,
хоть ты другую, я – тебя...

1945

* * *

Нет для тебя ни преград, ни помех,
Чтобы творить чудеса надо мною,
Сделать меня красивее всех,
Радостней всех под этой луною.

Можешь весь мир движеньем одним
Или одним лишь зовущим взглядом
Мне подарить и поднять над ним,
Чтоб оказалась я с солнцем рядом!

Дай же мне юность изведать вновь,
Дай же мне силы мои измерить,
Дай мне поверить в твою любовь,
Дай мне поверить, дай мне поверить!...

1956

* * *

Я столько раз твоё письмо читала,
Почти что заучила наизусть.
Сегодня ж перечешь его сначала

Мне захотелось, чтоб развеять грусть.

Ищу в тетрадках, в записях летучих...
Его я в книге Фучика нашла.
Я улыбнулась... Улыбнулся Фучик,
Улыбка на портрете так светла.

В его глазах, светящихся любовью,
Я вижу радость, словно зов: живи!
Он рад, что в книге, писанной им кровью,
Лежит письмо любви...

1951

* * *

Устав от огорчений повседневных,
От ссор и споров, от обидных слёз,
От ревности слепой, от взоров гневных
И от ночей без радостей и звёзд, —
В полночный час, холодный и суровый,
Решила я оставить дом, семью,
Всё позабыть и стать свободной снова,
Мечтать, дерзать, искать звезду свою.

...Закрыла за собою дверь с трудом,
Но — закричал ребенок мой спросонок.
Я как безумная ворвалась в дом,
Лишь только бы не плакал мой ребёнок!..

1944

* * *

Играли мы у одного ручья,
Встречали вместе мы приход весны, —
Казалось всем вокруг, что ты и я,
Конечно, друг для друга рождены.

Звала ли нас неведомая даль,
Мечта необъяснимая влекла ль, —
Не знаю точно, но пошли мы врозь,
И встретиться нам скоро не пришлось.

Растёт малыш у каждого из нас...
Опять земля цветёт в лучах весны.
И вот мы понимаем лишь сейчас,
Что были друг для друга рождены.

Быть может, и легко свернуть с пути,
Потерянное счастье обрести,
Но только не отпустит нас назад

Доверчивый и властный детский взгляд.